

ПОСТВЫБОРНЫЕ ЗАДАЧИ В.В. ПУТИНА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Аннотация

В статье анализируются причины, предпосылки политической задачи «прорыва», вставшей перед Россией в новых геополитических условиях. Показаны три основных измерения, в которых она будет реализовываться: планетарное (глобальное), региональное и национальное.

Ключевые слова: Россия, политическая ситуация, президент Российской Федерации, многополярный мир, монопирамида, «мировой порядок», глобализация.

Авторы¹

Бельский Виталий Юрьевич

заведующий кафедрой социологии и политологии
Московского университета МВД России,
доктор философских наук
(Москва, Россия)



Лепехин Владимир Анатольевич

директор Института ЕАЭС,
кандидат философских наук
(Москва, Россия)



Тем, кто занимается не только политическими исследованиями, но и практической геополитикой, не нужно задавать вопроса по поводу того, почему задача «прорыва» встала перед Россией в полный рост только с момента начала четвертого президентского срока В. Путина. Дело в том, что до середины 2018 г., а точнее — до личной встречи президентов России и США в Хельсинки, соответствующих условий для реализации прорывных технологий в сфере не только внешней, но и внутренней политики по большому счету не существовало.

Только на встрече с Д. Трампом 16 июля 2018 г. президенту России удалось достичь определенных договоренностей о согласованных действиях России и США на самых проблемных для РФ направлениях внешней (в том числе — энергетической) политики и, прежде всего, в Сирии и Украине. До этого момента российское руководство не только испытывало колоссальное давление со стороны некоторых западных государств и международных структур (НАТО, Евросоюза, ВТО, МВФ, ПАСЕ, ОБСЕ и др.), но и пребывало в состоянии чрезвычайной геополитиче-

¹ Авторы статьи являются учредителями Автономной некоммерческой организации «Институт ЕАЭС», занимающейся реализацией конкретных интеграционных (геополитических) проектов и программ на постсоветском пространстве.

ской зависимости и неопределенности, что ограничивало его в своих действиях. Любые решения Кремля, связанные с разворотом страны в сторону снятия тех или иных (прежде всего финансовых) зависимостей от западных структур, сопровождались серьезными рисками. Здесь достаточно вспомнить, что легитимная защита Россией Крыма после прозападного переворота в Киеве и возникновения угрозы Черноморскому флоту РФ и русскому населению полуострова вызвала волну репрессий со стороны Запада, выражающуюся не только в объявлении России экономических санкций, но и в наступлении на нее по всем фронтам: экономическому, политическому, информационному и даже военному.

Сегодня эта неопределенность на порядок ниже. В настоящее время не только Россия, но и ряд других мировых игроков, включая страны БРИКС и администрацию Д. Трампа, так или иначе проводят линию на формирование новой, по сути, альтерглобалистской модели «мирового порядка» — при том, что Вашингтон утрачивает свои исключительные позиции в мире, а Евросоюз, лишаясь безусловного военно-политического прикрития со стороны США, вынужден пересматривать свою позицию по отношению к Российской Федерации.

Становление многополярного мира взамен геополитической монопирамиды во главе с «исключительным» государством — это принципиально новая ситуация в мире.

При анализе особенностей названного тренда и его влияния на ситуацию в России важно понимать, что политика любого государства имеет, как минимум, три основных измерения, поскольку реализуется в трех пространствах: планетарном (глобальном), региональном и национальном.

В каждом из этих пространств действуют принципиально разные законы, которые не могут не учитывать исследователи, а также

российские политики, реформаторские целеполагания которых направлены на достижение позитивных результатов. Рассмотрим эти уровни подробнее.

Мировая политика, как уже было отмечено, подчинена сегодня не только законам естественной глобализации мира, но также той логике, которая отражает стремление конкретных и новых геополитических сил вмешаться в названный процесс и направить его по пути переформатирования. Логика становления многополярного мира (взамен однополюсного) формализует большую часть трендов и законов современного планетарного развития так, что «мировой порядок» формируется сегодня уже не только по законам глобализации, универсализации, консьюмеризации, неоколониализации, вестернизации и тотальной экспансии глобального рынка (в том числе и методами организации и поддержки так называемого «международного терроризма») [1], но также по законам межцивилизационной конкуренции, деконсьюмеризации, демонополизации, деколонизации, истернизации, регионализации, суверенизации, сохранения антропосферы и т.п.

Именно в понимании логики вот этих двух мегавекторов развития современного мира и ее учете в конкретной внешнеполитической практике и заключается так называемая многовекторная политика любого государства — а вовсе не в том, что понимают под этим, например, многие постсоветские страны, пытающиеся «балансировать» между ведущими супердержавами как источниками денег и власти.

Пространством **региональной политики** применительно к современной России следует считать в первую очередь территорию Северной Евразии (пространство действия объединений с участием России — СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, а также антироссийских объединений вроде ГУАМ). Здесь действуют законы другого уровня: постсоветского и постимперского размежевания,

интеграции и реинтеграции, внутрицивилизационной идентификации, конкуренции и кооперации, обеспечения коллективной (евразийской) безопасности и различных суверенитетов, необходимости политической и экономической модернизации и целесообразности сохранения и укрепления социокультурной самобытности и т.п.

Не случайно, например, во всех постсоветских странах (бывших советских республиках) после упразднения СССР были установлены президентские системы власти. А там, где они не были установлены (в Молдове и Украине), налицо почти полная недееспособность правящего класса обеспечить эффективное управление страной. В этом смысле недавняя «бархатная революция» в Армении смела режим С. Саргсяна не столько в силу его коррупционности (в некоторых других постсоветских странах правящие режимы не менее коррупционны, но их никто не сносит), сколько по той простой причине, что правящий класс Армении решил поменять в стране органичную для «переходного» этапа в развитии страны президентскую модель политического устройства республики на противоестественную — парламентскую, вызвав тем самым деструкцию сложившейся в стране властной вертикали, чем немедленно воспользовались прозападные силы.

Стало быть, совершенствование президентской модели власти — одна из задач нынешнего «переходного» периода в политическом развитии любого постсоветского государства. Аналогичные законы регионального типа и масштаба объясняют специфику политических действий постсоветских и иных стран, их лидеров, «групп интеграторов», институтов и проч.

Наконец, **политика национального масштаба** — тот случай, когда объективные законы и субъективные факторы следования этим законам меняются местами: лидеры государств (тем более, если в них установлены

президентские политические системы) правомочны менять действующие законы на подвластной территории и устанавливать новые. (Способны ли они это делать и хотят ли — отдельная тема.)

Все три уровня политической деятельности требуют от стран и их руководителей неустанной заботы о развитии национальных политсистем. Закон вечной конкуренции одинаково актуален как для малой страны, так и для сверхдержавы: остановишься — будешь уничтожен в результате внешней экспансии или внутренней «революции».

Авторы статьи не дают оценок сложившейся в России политической системе; все ее плюсы и минусы хорошо известны и понятны любому российскому политическому исследователю. Другое дело, насколько такая система эффективна с точки зрения достижения страной тех или иных общенациональных задач.

В условиях, когда общество нуждается в политической и экономической модернизации (а постсоветская Россия, вне всякого сомнения, в таковой нуждается)¹, система концентрации власти в руках субъекта модернизации становится важнейшим условием ее успеха [2].

Сверхполномочия и авторитарно-волевой стиль руководства были присущи всем лидерам известных политических и экономических модернизаций: И. Сталину в СССР, Ф. Рузвельту периода выхода США из «Великой депрессии», М.К. Ататюрку в Турции, Ч. Кайши на Тайване, Л.К. Ю в Сингапуре, П.Ч. Хи в Южной Корее, а также Компартии Китая, как групповому

¹ О необходимости экономической модернизации заявил в одном из своих поствыборных выступлений Президент России В. Путин. Так, в ходе Санкт-Петербургского Экономического форума 25 мая 2018 г. он отметил, что для осуществления прорыва «нам предстоит продолжить модернизацию экономики и создание современных рабочих мест, обеспечить рост доходов граждан, сделать отечественное здравоохранение и образование одними из лучших в мире» [3].

субъекту, обеспечивающему сегодня беспрецедентный модернизационный рывок в развитии огромной страны, etc.

С учетом названных обстоятельств поствыборную концентрацию власти в руках В. Путина можно только приветствовать.

Еще одним, но не единственным условием потенциального «прорыва» России в развитии является **наличие у субъекта модернизации (у главы государства) соответствующей долгосрочной стратегии, базирующейся на объединяющей нацию созидательной идеологии** [4].

Разумеется, идеология имеет сложную структуру, так что политическим аналитикам следует отличать официальную идеологию (для народа) от идеологии, отражающей интересы правящей группы и часто являющейся так называемым «скрытым знанием» [5].

Утверждение о якобы отсутствии в РФ идеологии — еще один штамп современного российского политикума. На самом деле в России нет официальной (формальной) идеологии — так проще реализовывать на практике скрытую (не афишируемую, но реальную) идеологию. Известно, что вслед за идеологией либеральных реформ, оформившейся в действиях власти еще в позднесоветский период (при М. Горбачёве), в конце 90-х гг. прошлого века в России сформировался запрос правящего класса на идеологическое обоснование сохранения приобретенных активов и, соответственно, удержания власти основными бенефициарами этого процесса.

Запрос правящей элиты на сохранение своих завоеваний стал основанием для заказа на разработку официальной российской консервативно-охранительной идеологии. Так что нынешний тренд переориентации правящего класса на «патриотизм» — это не только, а может, и не столько реакция элит на нарастающее давление Запада, сколько стремление элит закамуфлировать свое «скрытое знание» и ре-

ально действующую «охранительную» идеологию в условиях нарастающего в России социального напряжения.

Запрос правящего класса на идеологию «неоконсерватизма» абсолютно логичен [6]. Однако он вступил в неизбежное противоречие с задачами развития страны. Стремление российских элит к консервации нынешнего состояния убивает на корню любые потуги государства и лично президента России к развитию, а также соответствующим образом деформирует всю кадровую политику государства [7].

Президентские выборы, состоявшиеся в марте 2018 г., были заявлены, как предмодернизационные: В. Путин обещал избирателям «прорыв», как минимум, в экономической сфере. Чего, к сожалению, пока не происходит. Напротив, отдельные элитные группы, сориентированные на уступки Западу в обмен на исключение их представителей из санкционных списков, пошли в контрнаступление на главу государства.

Очевидно, что это «диалектическое» противоречие рано или поздно будет разрешено ... путем уничтожения (снятия) одной из сторон противоречия. Либо В. Путин уступит место такому представителю правящего класса, который окончательно свернет любые пронациональные тренды и встроит Россию в качестве периферии в Западный или иной, более конкурентоспособный (чем РФ) мир, либо глава государства сформирует команду способную реализовать стратегию прорыва.

Вариант продолжения балансирования между двумя мегагруппами элит как между двумя сторонами названного противоречия чреват накоплением деструктивных процессов.

В любом случае очевидно, что реализация любых заявленных президентом России поствыборных задач упирается сегодня в создание объективных и субъективных условий для реализации названной стратегии.

Литература

1. Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Терроризм как инструмент борьбы с суверенными государствами и цивилизациями // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 1. — С. 23–28. См. также: Глобализация и современная Россия: монография / В.Ю. Бельский, А.Н. Бороздин, В.Ж. Богайчук, В.А. Лепехин и др.; ред. В.Ю. Бельский, А.И. Сацута. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 136 с.
2. Об условиях модернизации и ее объективных законах см.: Лепехин В.А. Законы модернизации. — М.: Новости, 2010. — 248 с.
3. См.: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ // Российская газета. 25.05.2018. — Эл. доступ: <https://rg.ru/2018/05/25/o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef.html>.
4. Лепехин В.А. Обретение идеологии. Методология поиска // Серия «Философия развития». — М: ООО «Буки-Веди», 2015. — 204 с.
5. См.: Лепехин В.А. Идеология как тайное знание // РИА-новости. — 2015. — 26 марта. — Эл. доступ: https://ria.ru/zinoviev_club/20150326/1054601322.html.
6. Лепехин В.А. Запрос российских элит на консерватизм блокировал развитие страны // Руснекст. 28.07.2018. — Эл. доступ: http://rusnext.ru/recent_opinions/1532804892.
7. Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Цивилизационное развитие России и новая стратегия государственной кадровой политики / В.Ю. Бельский, В.А. Лепехин // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 11. — С. 12–15; См. также: Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Цивилизационное развитие России и новая стратегия государственной кадровой политики // Государственная служба и кадры. — № 1. — М.: ЮНИТИДАНА, 2013.